

АКТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС О ТИПАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Е.Г. Пономарева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Процессы глобализации определили серьезные изменения прерогатив национальных государств. В XXI в. государство уже не выступает в качестве единственного субъекта, монополюбно интегрирующего интересы крупных социальных общностей и представляющего их на мировой арене. Всевозрастающую роль в мировом политическом процессе играют транснациональные и наднациональные участники. Однако, несмотря на неопределенность и неоднозначность путей развития современного мира, можно утверждать, что в обозримом будущем именно за государствами сохранится роль основных участников мировой политики, на которых лежит ответственность за глобальную безопасность и развитие. Все это закономерно актуализирует вопросы, связанные с поиском оптимальных моделей развития национального государства. В статье анализируются существующие в современной политической науке подходы к пониманию моделей, проблем и перспектив развития этого института. К таким относятся: концепции «размерности», основывающиеся на параметрах масштабности (размера территории) государств и их функций в международных системах, и «политического порядка». В последнем случае в работе проанализированы четыре модели: нация-государство, государство-нация, государство-консоциация и квазигосударство. Авторская позиция заключается в обосновании тесной зависимости успешности той или иной модели государства от его внутренней природы – государственности. На основе разработанного подхода автор понимает государственность как «результат исторической, экономической, политической и внешнеполитической деятельности конкретного социума по созданию относительно жесткой политической рамки, обеспечивающей территориальное, институциональное и функциональное единство, то есть собственного государства–состояния, национальной политической системы». Таким образом, государственность выступает качественной характеристикой государства.

Ключевые слова: национальное государство, государственность, нация-государство, государство-нация, консоциация, квазигосударство, рынок-государство, регион-государство, корпорация-государство.

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особую важность и в теоретическом, и в практически-политическом отношениях.

В.И. Ленин

В условиях глобализации политико-территориальный идеал национального государства «тускнет». В XXI в. оно уже не выступает в качестве единственного субъекта, монополюно интегрирующего интересы крупных социальных и экономических общностей и представляющего их на мировой арене. Транснациональные участники играют всевозрастающую роль в мировом политическом процессе и настаивают на том, что элементарная неэффективность государства заставляет сокращать его полномочия, ограничивать суверенитет. Все больше исследователей и политиков пытаются убедить нас в том, что национальное государство со всеми его атрибутами и социальными обязательствами неадекватно современному миру.

Действительно, отрицать серьезные изменения прерогатив государств – как внутри, так и вовне – нельзя. Однако и преувеличивать проблемы, связанные с трансформацией мировой системы и пересмотра роли государства в ней также не стоит. Несмотря на неопределенность и неоднозначность путей развития современного мира как сложной и иерархической структуры, можно утверждать, что в обозримом будущем именно за государствами сохранится роль основных участников мировой политики, на которых лежит ответственность за глобальную безопасность и развитие. Все это закономерно актуализирует вопросы, связанные с поиском оптимальных моделей развития национального государства.

Для России эти вопросы имеют сегодня не только теоретическую, но и практически-политическую важность. Сохраниться как субъект мировой политики, обеспечить безопасность и благополучие своих граждан Россия может, лишь будучи «суверенной и влиятельной страной». Но для этого «мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией» [1]. Именно поэтому речь применительно к настоящему и будущему нашей страны должна идти не только о государстве как политическом институте, как некоем конструкте, но и о том, что составляет его сущность, определяет его природу – о государственности.

Современная политическая наука имеет уже довольно богатый багаж знаний по этим вопросам. Тем не менее дискуссионность заявленной проблемы, а значит, и исследовательский интерес к ней не ослабевает.

Эволюция концепта «национальное государство»

Впервые разные по типу политического устройства, размерам, мощи, религиозной и культурной среды политические образования «уравнял»

Н. Макиавелли, обозначив их как *lo stato*, то есть государства-состояния, что было эквивалентно понятию «политический порядок». В научном дискурсе за семейством этих политических порядков закрепилось понятие «государство». Трансформации буржуазных революций с сопутствующими установлениями – развитием гражданского общества, капиталистической экономики, формированием новых отношений между государством и обществом, новых коллективных идентичностей – создали условия для возникновения национальных государств. Как заметил А. Смит, «со времен Французской революции национальное государство стало доминирующей, а скоро и почти единственной легитимной формой политической организации, а также основным «двигателем» коллективной идентичности» [2, с. 70].

Новое время породило новые стандарты организации каждого конкретного общества: политическая власть оказалась соединенной с конкретной территорией и его населением через принцип суверенности. В свою очередь Ч. Тилли, также относя появление национальных государств к началу XIX в., выделил два необходимых условия для их возникновения. Это «способность государства отслеживать, ограничивать и контролировать ресурсы (включая культурные) в пределах собственной территории» [3, с. 132] и готовность других государств согласиться с правом данного государства регулировать указанные сферы. Иными словами, национальное государство должно обладать самостоятельностью, которая характеризует внутреннее развитие социума, и статусностью, что позволяет определить место этого государства в мировой системе.

Современные национальные государства многоголки. Однако концептуализация этого понятия выявляет некие устойчивые типы, а также варианты развития национального государства. Выделим концепции «размерности» и «политического порядка». Последняя, как правило, рассматривает четыре модели: нация-государство, государство-нация, государство-консоциация и квазигосударство.

Начнем с концепции размерности, основывающейся на параметрах масштабности (размера территории) государств и их функций в международных системах. Так, Ж. Коломер на основании этого критерия различает: большие по масштабу структуры или империи; средние – «суверенные государства» в нормативном политологическом смысле и «малые нации», то есть структуры небольшого масштаба. Современные империи (Америка, Китай, Европа, Япония и Россия), по Ж. Коломеру, определяются очень большой территорией и населением; отсутствием закрепленных или постоянных границ; соединением разнообразных групп и

территориальных единиц; набором многоуровневых и часто взаимно пересекающихся юрисдикций. Еще пять больших стран ученый относит к имперскому типу. Это Индонезия, Индия, Бразилия, Пакистан, Бангладеш. Австралия и Канада сопоставимы с империями по территориальным размерам, но недонаселены [4, с. 3,5].

«Суверенные государства» или государства-состояния, по мнению ученого, должны обладать большими или средними размерами (как территории, так и населения); постоянной территорией и формально закрепленными границами; суверенитетом, понимаемым как монополия верховной власти над территорией и проживающим на ней населением; монополией на исключительную юрисдикцию и гомогенным порядком. При этом государства-состояния могут быть двух видов: нации-государства и многонациональные государства. Однако последние, сохранившие гетерогенный этнический, культурный, религиозный состав, отличаются, по мнению ученого, неэффективностью. «Такая роскошь, как многокультурность, позволительна только империям» [4, с. 20]. В свою очередь к «малым нациям» относятся политические образования малых размеров с высокой степенью этнической гомогенности, с простыми и мягкими формами правления.

Существующие тренды мирового развития, по мнению ученого, ведут к увеличению числа демократических «независимых и автономных стран» малых размеров, появляющихся на месте средних государств-состояний, что приводит к постепенному «стиранию» последних с политической карты мира. Таким образом, Ж. Коломер интеллектуально обосновывает процессы демонтажа национального государства, убеждая нас в том, что благополучие народов зависит от «таких обширных демократических империй, как США и ЕС». Более того, ученый полагает, что «подобные Китаю традиционные империи или иные зоны сопоставимого масштаба (видимо, имеется в виду Россия. – Е.П.) также могли бы освободить «малые нации», если бы стали достаточно эффективными в обеспечении обширных общественных благ и либерализовались бы сами». Профессор даже утверждает, что проект «построения национального государства» опасен для «демократических империй», так как именно суверенные государства «парадоксальным образом способны стать угрозой свободе и демократии, поскольку они смогут возродить старые конфликты или создать новые отношения соперничества и вражды» [4, с. 40].

Ж. Коломер далеко не первый, кто попытался установить связь размерности государства с его состоятельностью и устойчивой государственностью. В 1957 г. в университете Пуэрто-Рико Л. Кор обнаружил свою теорию размера. Согласно этой концепции, решение политических/геополитических, социально-экономических, культурно-идентификационных проблем зависит от величины государства. По мнению ученого, единственным надежным методом борьбы с широкомасштабными жестокостью и преступностью является создание «систе-

мы социальных единиц настолько малого размера, что накопления и уплотнения коллективной силы до опасной точки просто не произойдет». В доказательство Л. Кор приводит такое утверждение: «если мы хотим снизить уровень преступности в Чикаго, мы не должны образовывать его жителей или населять город членами Армии спасения. Мы должны уничтожить сообщества размером с Чикаго» [5, с. 56].

На основе проведенных исследований Кор предложил новую политическую карту Европы, прогнозируя, что Россия и США останутся большими империями, которые в окончательной схватке разделят влияние над «Мировым Государством Объединенных Наций». В части своих построений, касающихся Юго-Восточной Европы, ученый отчасти оказался прав. «На месте государств средних размеров, таких, как Испания, Югославия, Чехословакия, Румыния и Польша получим, – писал ученый, – урожай малых государств, таких, как Арагон, Валенсия, Каталония, Кастилия, Галисия, Варшава, Богемия, Моравия, Словакия, Рутения, Славония, Словения, Хорватия, Сербия, Македония, Трансильвания, Молдавия, Валахия, Бессарабия и т.д.» [5, с. 77–78]. Как известно, процесс дробления постюгославского пространства привел к появлению шести новых государств, среди которых одно – Республика Косово – остается непризнанным. При этом дезинтеграционные тенденции в этом регионе все еще остаются непреодоленными. На месте Чехословакии возникло два государства. Ситуация в Испании также далека от стабильности.

Л. Кор считал, что его карта отражает «естественный и исходный ландшафт Европы», а «искусственными структурами являются именно великие державы, возникшие в ходе завоеваний и которым в силу этого приходится тратить много усилий на поддержание своего существования» [5, с. 78–79]. Таким «возвращением Европы к естественному состоянию» ученый полагал возможным решить вопрос пограничных конфликтов, а также избавиться от проблемы меньшинств в результате обретения или восстановления суверенитета «малых наций». На самом деле практика дробления доказала как раз обратное – конфликтность и нарушение прав меньшинств стали необъемлемыми спутниками современных международных отношений. Иными словами, такая модель развития не только Европы, но и других регионов мира представляется ошибочной.

Очевидная недостаточность фактора размера при анализе формирования государственности потребовала от исследователей его дополнения: и Л. Кор, и Ж. Коломер рассматривали процесс встраивания «малых наций» в орбиты империй как закономерный. Фактически, оба исследователя рисуют зонтичную картину современного мира. И если Л. Кор в значительной степени ее прогнозировал, то Ж. Коломер ее фиксирует, что «нынешний мир все больше организуется за счет взаимного наложения обширных пространств «имперского» размера при одновременном увеличении числа самоуправляющихся малых сообществ», и выделяет

три фундаментальные сети отношений: «союзы по обеспечению обороны и безопасности, торговые и экономические соглашения и зоны языка и общення» [4, с. 31].

В свою очередь М.В. Ильин, во многом отталкиваясь от концепции Ж. Коломера, предлагает различать четыре основных класса государств, основанных на пространственных параметрах: мега-, макро-, мини- и микрогосударства. Мегагосударства – это большие многосоставные страны с относительно усиленными внешними аспектами суверенности, избыточной статусностью и сильно выраженным имперским синдромом. Важнейшей функцией мегагосударств является организация международной среды. Это традиционная роль так называемых великих держав. Прочные позиции, по мнению ученого, в списке мегагосударств занимают США, Россия, Китай, Япония. С разного рода оговорами к этому классу могут быть отнесены Великобритания, Германия и Франция, а также Индия, Бразилия и, может быть, Южная Африка.

Макрогосударства – довольно крупные страны с относительно сбалансированными внешними аспектами суверенности и достаточной статусностью. Они обладают значительным населением, территорией и ресурсной базой. Важнейшей функцией макрогосударств в мировой политике является оформление силовых линий между полюсами международной системы, которые создаются мегагосударствами. К ним могут быть отнесены Аргентина, Ирак, Иран, Мексика, Польша. Мини-государства – небольшие страны, по мнению ученого, характеризуются очень умеренными внешними аспектами суверенности и ослабленной статусностью. Они обладают небольшими населением и территорией. У них достаточно сильно выражен комплекс зависимости (политической и экономической), хотя в некоторых аспектах они в состоянии обеспечивать вполне самостоятельное проведение внутренней и даже внешней политики. Важнейшей функцией минигосударств является насыщение силовых линий мировой политики разнообразным потенциалом. Заметно уклониться от силовых линий и занять самостоятельную позицию мини-государствам крайне сложно. Это может отчасти обеспечиваться статусом нейтральной страны, что до той или иной степени используется мини-государствами. Однако подобный подход имеет свои пределы (риск попасть в класс государств-изгоев).

Микрогосударства – это совсем малые как по размерам, так и по количеству населения образования с существенно ослабленными внешними аспектами суверенности и низкой статусностью. У них очень сильно выражен комплекс зависимости. Важнейшей функцией микрогосударств является чисто инструментальная роль формального самоопределения территорий, которые по разным причинам не могут находиться под прямым контролем мега- или макрогосударств. К числу главных характеристик этой группы отно-

сятся демонополизация принуждающего насилия, принятие иностранной валюты как внутренней денежной единицы, включение во внешние таможенные режимы, свертывание армий вплоть до полного отказа от них и наличия на территории иностранных воинских контингентов [6].

Несмотря на критику теории размера, следует отметить, что территория/размерность государства, а также его способность/неспособность влиять на мировую политику являются одними из важных факторов формирования устойчивой и самодостаточной государственности. Поэтому типология государств, в основе которой лежат факторы размерности, признания и включенности в мировую систему, представляет несомненный научный и практический интерес для прогнозирования будущего Российского государства.

Среди типов государств, основанных на принципах организации политического порядка – концепция политического порядка – выделим такие, как нация-государство, государство-нация, государство-консоциация и квазигосударство.

В самом общем смысле нация-государство – это сочетание особой политической формы национально-территориального суверенитета и культурной (языковой и/или религиозной) однородности какой-либо общности, возникшее как продукт эпохи Модерна и ставшее своеобразным его символом. Специфика этой формы определяется требованиями гомогенности общности. Кроме того, для нации-государства характерны: приверженность одной культурно-цивилизационной традиции; ассимиляторская культурная политика; унитарное государственное устройство либо структура мононациональной федерации, а также принципы республиканизма, как правило, с широкими полномочиями главы государства.

В процессе государственного строительства по модели нации-государства при наличии более чем одной этнической группы доминирующая нация, как правило, проводит ассимиляторскую политику чуждых ей этнорелигиозных сегментов. Это может проявляться в мягкой дискриминации. Например, в обязательной сдаче экзаменов на языке титульной нации для получения гражданства или в вертикальной социализации представителей только определенной национальности или религии, так называемый османский опыт. Не является исключением и жестокая форма: религиозные и межэтнические войны, итогом которых может стать как выдворение «чужих» за пределы нового государства, так и их полная ассимиляция. Самыми яркими примерами такого «политического порядка» могут служить процессы государственного строительства с начала 1990-х гг. в Хорватии и в Косово.

С конца прошлого века активно продвигается тезис о том, что процессы глобализации существенно трансформируют природу национального государства, лишают его части функций, перераспределяя их на уровень наднациональных структур. По этому поводу Э. Хобсбаум писал, что новейшая история «будет в значительной степе-

ни супранациональной и инфранациональной, но даже инфранациональность – независимо от того, рядится ли она в одежды какого-либо мини-национализма или нет, – станет симптомом упадка старых наций-государств в качестве эффективно действующих структур. Ведя речь о «нациях-государствах», «нациях» или этнических/языковых группах, история прежде всего показывает, как они отступают на второй план перед лицом нового, супранационального преобразования мира, сопротивляются ему, поглощаются им или адаптируются к нему» [7]. Таким образом, верификация положений о трансформации национального государства через мини- и микрогосударства к неимперским, супранациональным образованиям, имеющая место в работах многих авторов (Л. Кор, А.Д. Смит, Ж. Коломер, Ш. Эйзенштадт), свидетельствует об определенном научном и практическом тренде, направленном на серьезную трансформацию национального государства-состояния вплоть до его полного уничтожения.

Однако движение в сторону супранациональной государственности вовсе не означает, что нации и национальные государства исчезнут из Истории. Более того, негативные последствия глобализации ведут к росту национального самосознания и к поиску оптимальных условий для сохранения и развития наций и народов. Альтернативное либеральному проекту глобализации государство неизбежно опирается на нацию и национализм в их позитивном историческом смысле.

Культурное и этнорелигиозное многообразие большинства стран мира определило интерес политиков и научного сообщества к другой модели – государство-нация. Одними из первых на весьма опасную тенденцию, согласно которой каждое государство стремится стать нацией-государством, а каждая нация – стать государством, обратили внимание Х. Линц и А. Степан. Исходя из позиции, что «нация не обязательно равнозначна народу государства», исследователи предлагают формировать государственность с использованием «немажоритарных и неплебисцитарных формул», то есть речь идет о реализации современными обществами не модели нация-государство, а модели государство-нация.

Главные отличия государства-нации как поликультурного и многонационального образования заключаются в том, что, во-первых, население страны состоит из приверженцев более чем одной культурной и цивилизационной традиции, однако это не препятствует столь же «сильной идентификации и преданности со стороны граждан» [8, с. 25–26] общему государству, как и в нации-государстве. Во-вторых, признается и поддерживается более чем одна культурная идентичность. И наконец, этой модели адекватна федеративная форма государственного устройства, часто ассиметричная.

Модель государства-нации при всех плюсах не лишена недостатков. По мнению ее критиков,

существование нескольких сегментов в пределах одной политической рамки способно повлечь самые негативные последствия либо для территориальной целостности государства, либо для его демократического характера (если таковой имеется), либо для того и другого вместе. Кроме того, «государство-нация по своей природе стремится к культурно-языковой однородности, даже не придавая этой цели радикального или метафизического смысла» [9, с. 24].

Практическое осуществление модели государства-нации осложняется не столько языковым и культурным различием (в ряде стран его либо нет, например, очень близкие языки: хорватский, сербский и боснийский языки, либо оно незначительно – общее прошлое и т.п.), сколько исторической памятью о знаковых, эпохальных событиях и идентичностью на основе противодействия враждебному окружению. Идентичность как способ личного или группового самоопределения, как источник формирования групповых общностей непосредственно связана с политической культурой прежде всего на основе лояльных представлений: «мы–они» и агрессивных: «свой–чужой». Аппеляция к той или иной идентификационной группе извне порождает синдром внешней угрозы своей идентичности, а соответственно, и стремление найти своего покровителя и защитника. Этот синдром усиливается наличием стран-соседей, которые могут реально представлять ирредентистскую угрозу или спекулировать на этом. Например, Сербия и Хорватия относительно Боснии и Герцеговины; Косово, Албания, Болгария и Греция относительно Бывшей югославской республики Македонии. В свою очередь, Косово относительно Албании.

И. Валлерстайн справедливо отметил, что «существование наций – это миф в том смысле, что все нации являются социальными образованиями и основная роль в их создании принадлежит государствам... К концепции национального государства следует относиться как к асимптоте, к которой стремятся все государства. Не-которые государства уверяют, что они «многонациональны» и единая нация им не нужна, но даже они пытаются создать у себя некую идентичность, которая объединяла бы все государство...» [10, с. 139–140]. Иными словами, новые государства при наличии дилеммы гражданская – национальная идентичности в первую очередь формируют идентичность национальную.

В этой связи особый интерес применительно к анализу процесса государственного строительства в поликультурных, многонациональных сообществах вызывает модель государства-консоциации, предложенная А. Лейпхартом, дополненная Г. Лембрухом, Д. Горовицем, Б. Рейли и Г. Хейлом. Основная идея консоциации заключается в создании модели управления, в которой учитывались бы интересы всех сегментов общества. В политической практике это должно иметь выражение в возможности сегментов, возникших в результате религиозных, идеологических,

культурных или расовых различий и разногласий между представителями общественных групп и социальных слоев, равным образом оказывать влияние на процесс принятия решений. Проще говоря, в обществах, где процесс выработки единого культурного кода, идентификации еще далек от завершения, оптимальным видится политический порядок, основанный на консенсусе и максимально возможном включении представителей всех меньшинств в процесс управления. Модель государства-консоциации особенно актуальна в процессе постконфликтного урегулирования и институционального строительства в многоэтнических сообществах.

К основным характеристикам консоциации относятся: 1) осуществление власти большой коалицией, представляющих все значимые группы многоэтнического общества; 2) пропорциональность как основной принцип политического представительства; 3) взаимное право вето при принятии общественно важных решений как гарантия учета интересов меньшинств; 4) высокая степень автономии общественных групп в решении внутренних вопросов каждой из них. Решения, касающиеся всего общества, принимаются большой коалицией, внутрисегментные вопросы могут решаться автономно.

Успех модели консоциации зависит не только от реализации этих характеристик, но и от таких условий, как четкое разделение (идеологическое, этнорелигиозное, пространственное) сегментов, баланс сил, наличие внешних угроз и малый размер страны. Эти условия создают благоприятную среду, облегчая как реализацию принципа пропорционального представительства и создания коалиции, так и проведение автономной политики. Однако эффективность консоциации возможна лишь при наличии в обществе не более четырех сегментов.

Следует отметить, что вышеперечисленные условия консоциации имеют не только благоприятные последствия для государственного образования. Например, четкое разделение сегментов и их автономность могут легко превратиться в фактор внутренних (межнациональных) конфликтов и привести к сепаратистскому движению, а право вето меньшинств может завести в тупик политический процесс и спровоцировать политический кризис. Так, Союз Сербии и Черногории, воспроизводивший все параметры консоциации, закончился расколом. Итак, главный вывод относительно этой модели следующий – успех консоциации возможен только при условии, что существующие сегменты хотят сохранить общее государство и только в укреплении единой государственности видят возможности для реализации своих интересов.

Еще одной моделью политического порядка, которая в условиях глобализации активно реализуется при помощи внешних сил в различных частях мира, является модель квазигосударства. Понятие «квазигосударство» было впервые выделено в научный оборот Р.Х. Джексоном и

К. Росбергом в 1982 г. на основе изучения процессов деколонизации в Африке [11]. Именно новые африканские государства составили ядро группы государств, которые стали обладать формальной статусностью, т.е. были включены в мировую систему за счет их полного признания. Однако они не обладали необходимой долей состоятельности, так как сами не смогли обеспечить адекватное функционирование собственных государственных институтов. Если ослабление состоятельности квазигосударства достигает качественного предела адекватного функционирования государственных институтов, когда на соответствующей территории не может поддерживаться минимальный порядок, то его обычно характеризуют как несостоявшееся государство – *failed state*.

Модель квазигосударства отличается симуляцией обязательных характеристик и функций государства-состояния. Воспроизведение внешней формы государственных институтов без восприятия их содержания и, главное, без понимания логики обретения этих институтов ведет к негативным эффектам. Институты учреждаемого государства, с одной стороны, не способны адекватно осуществлять функции тех внешних институтов, которые заимствовались, а с другой – они также не имеют достаточной связи с автохтонной почвой, чтобы трансформироваться и прижиться в новой среде [12].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что главенствующая роль в процессе реализации модели квазигосударства принадлежит внешним игрокам: государствам, наднациональным и транснациональным структурам. Как писал З. Бауман, «слабые государства – это именно то, в чем Новый Мировой Порядок, слишком часто обладающий чертами нового мирового беспорядка, нуждается, чтобы поддерживать и воспроизводить себя. Слабые, «квазийные» государства легко могут быть сведены к (полезной) роли местного полицейского участка» [13, с. 68]. Квазигосударственность может пониматься как «фантомная» или «призрачная», которая реализуется в моделях государства-фантома (Босния и Герцеговина) и государства-призрака (Косово) [14], [15]. Статусность и состоятельность этих государств зависят прежде всего от глобального контекста, т.е. от роли внешних наднациональных структур (ЕС, НАТО, ТНК) и/или внезаконных (криминальных и террористических) сил. Самым важным фактором возникновения и существования квазигосударства является его нужность ведущим игрокам мировой политики. Посредством таких государств транснациональные структуры могут легко управлять политическим пространством и оказывать опосредованно влияние на целые регионы.

Итак, моделей «политического порядка» – наднационального государства – множество. Однако если мы видим будущее России как государства-состояния, то важно помнить о четырех главных его характеристиках, впервые обозначенных Дж.Р. Страйером:

– во-первых, это четкие границы в пространстве и продолжительность во времени;

– во-вторых, функционирование деперсонифицированных и относительно устойчивых политических институтов, независимых от конкретного носителя власти;

– в-третьих, высокая степень легитимности институтов, выражающаяся в принятии большинством населения самой идеи о необходимости верховной власти;

– наконец, в-четвертых, высокая степень лояльности большинства населения по отношению к власти [16, с. 5].

Реализация этих характеристик на практике позволяет констатировать успешность национального государства – государства-состояния.

Государственность как особое качество государства

В современной политической науке понятие государственность является не только одним из самых востребованных, но и одним из самых дискуссионных. Все больше исследователей предпочитают говорить о государственности как «особом качестве» государства, хотя чаще всего это понятие используется как синоним государства, а также для обозначения какого-либо этапа в развитии государства конкретного исторического периода (российская государственность, постсоветская государственность).

В отечественной политической науке одним из первых обратил внимание на этот «феномен» М.В. Ильин. Развивая идеи Дж.П. Нэттла [17], он предложил рассматривать государственность как понятийную категорию, включающую понятия статусность, то есть «принадлежность к сообществу государств-состояний», и состоятельность, то есть «соответствие своей собственной природе государства-состояния» [18]. Если состоятельность характеризует внутреннее развитие социума, результатом которого может стать государство, то статусность позволяет определить место этого государства в зависимости от масштабности и международных функций в мировой системе. Таким образом, членение государственности на составляющие – статусность и состоятельность – позволяет выявить не только причины генезиса государственности, но и с минимальной долей погрешности определить результаты ее развития. Один из выдающихся современных исследователей государства Ч. Тилли под состоятельностью понимает «степень, в которой инструменты правления дифференцированы, централизованы, автономны и формально скоординированы друг с другом» [19, с. 32]. Иными словами, состоятельность показывает способность, потенцию социума организовать политическую рамку своего бытия, то есть создать государство.

На основании мировой практики и накопленных политической наукой знаний полагаю справедливым утверждать, что государственность есть результат исторической, экономической, политической и внешнеполитической деятельности

конкретного социума по созданию относительно жесткой политической рамки, обеспечивающей территориальное, институциональное и функциональное единство, то есть собственного государства-состояния, национальной политической системы. Однако то, как будет протекать процесс формирования государственности, каковы будут его результаты – возникнет ли государство-состояние, способное не только получить некий статус в системе международных отношений, но и играть определенную роль в мировой системе, зависит от исторически обусловленной комбинации внутренних и внешних факторов. Поэтому проблема факторов, влияющих на процессы формирования государственности, становится определяющей при анализе данной понятийной категории.

Под факторами как аналитическими единицами следует понимать материальные и нематериальные структуры, институты и процессы, обуславливающие формирование государственности. Очевидно, что учесть весь набор факторов, влияющих на формирование государственности, начиная от структур, институтов, процессов и заканчивая нормами, восприятиями или устремлениями, невозможно. Поэтому целесообразно сделать выборку самых существенных факторов, без которых понятие «государственность» раскрыть невозможно. Выборка может быть сделана на основе работ А.И. Агеева, Р.Н. Долныковой, а также «Политического атласа современности» под редакцией А.Ю. Мельвиля.

В свою очередь полагаю, что к внутренним факторам, определяющим государственность, следует отнести размерность, демографические и этнорелигиозные, социально-экономические, политические и социокультурные конструкты конкретного социума. Базовыми внешними должны стать факторы, показывающие уровень экономической, военной и политической зависимости/независимости от других стран, наднациональных структур и глобальных проблем современности. Соотношение именно этих факторов показывает способность/неспособность государства состояться и занять определенное место в мировой системе. Комбинация названных факторов позволяет выявить определенные механизмы формирования состоятельности и статусности в каждом конкретном случае. По этой схеме можно не только оценить настоящее, но и спрогнозировать будущее российской государственности [20].

Концепты отмирания национального государства

Глобализация не только меняет социоэкономическую и политическую картину мира, но и трансформирует внутреннюю сущность государства, изымая у него функции организации и управления физическим и политическим пространством. Так, согласно Ф. Боббитту, на смену нации-государству идет рынок-государство или рыночное государство. «В эпоху наций-госу-

дарств государство брало на себя ответственность за благосостояние групп. В рынке-государстве государство несет ответственность за максимальное увеличение возможностей, доступных индивиду. Это означает снижение транзакционных издержек выбора, который делает индивид...ограничение, а не усиление правительств» [21, с. 230]. По мнению ученого, главная задача рынка-государства (РГ) – обеспечение функционирования глобального рынка. Ф. Боббитт непосредственно связывает появление рынка-государства с глобализацией, говоря о «глобальном обществе рынков-государств».

Концепция Ф. Боббитта перекликается с идеями К. Омаэ о регион-государстве/регион-экономике. Регион-экономика (РЭ), который в политическом смысле конструирует регион-государство, определяется сугубо рыночными факторами и оказывается тесно связанным с глобализацией. Омаэ определяет РЭ как «естественную деловую единицу глобальной информационной экономики» [22, с. 149]. Неважно, находится ли РЭ внутри того или иного государства (Гонконг–Южный Китай, Каталония и др.) или представляет собой тесно связанную комбинацию регионов двух и более наций-государств (Северная Италия–Баден–Вюртенбург, Пинанг–Медан–Пхукет, Сингапур–Джохор–острова Риау), главное, что его размеры и масштаб позволяют выполнять функции деловых единиц глобальной экономики.

Ф. Боббитт и К. Омаэ приветствуют замену национального государства новым типом государственности, явно идеализируя его. Так, Боббитт пишет о бесклассовом характере рынка-государства, чему явно противоречит реальность неолиберальной глобализации с резко возрастающим уровнем социальной поляризации и обострением противоречий в различных формах. Омаэ подчеркивает, что регион-государства – это очаги (сеть) процветания по сравнению с окружающим их миром, но не ставит вопрос, какой ценой по отношению к окружающему миру достигается это процветание? Эмпирика современности убедительно доказывает, что «возможностями сокращения транзакционных издержек» пользуются лишь наиболее сильные игроки глобальной системы, тогда как слабые районы и социальные группы, по сути, отсекаются от «общественного пирога», исключаются из процессов и каналов перемещения ресурсов, которые ранее контролировались государствами.

В связи с этим З. Бауман и ряд других исследователей подчеркивают, что именно глобализация вынуждает большинство стран отказываться от выполнения тех функций, которые ранее считались *raison d'être* (смыслом) существования национального государства, так как они не в состоянии их выполнять. Прежде всего это касается обеспечения равновесия между производством и потреблением. В результате, государство превращается в экономического калеку, любая

попытка которого вылечиться ведет к наказанию его мировым рынком. Напротив, те государства, которые «обеспечивают возможности», как это формулирует Боббитт, которое не может быть не силовым, поощряется. Результат – формирование одного из вариантов рынка-государства, оборотной стороной которого является репрессивный характер, подавление низших и средних слоев в интересах глобальных рынков. Иными словами, «в «кабаре глобализации» государство начинает заниматься стриптизом и в конце представления на нем остается только то, что является крайней необходимостью – репрессивная мощь...» [13, с. 66]. Фактически, и Ф. Боббитт, и К. Омаэ описывают, по сути, один и тот же феномен – тип политического порядка, который идет на смену национальному государству.

В свою очередь А.И. Фурсов, будучи ярким противником неолиберальной глобализации, обращает внимание на активизировавшийся процесс формирования корпораций-государств (КГ), приходящих на смену государству национальному. Согласно мнению ученого, в условиях глобализации национальное государство по своей сути начинает превращаться, а точнее, его начинают превращать в государство иного типа – в корпорацию-государство, которое выражает интересы молодой фракции мирового капиталистического класса – корпоратократии [23]. КГ – это конкретная форма глобально-рыночной государственности, это особая система отношений между людьми, функционирование которой носит исключительно экономический характер и направлено на минимизацию издержек по содержанию национального государства.

Корпорация-государство – совершенно новый для мира модерна административно-экономический комплекс. Его структуры ставят политико-экономические национальные интересы страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпоративных) или рассматривают первые сквозь призму вторых; приватизируют в своих интересах характерные для государства как национального института властные функции (прежде всего – принуждения и насилия); отказываются от выполнения общей части характерных для государства обязательств и функций или резко сокращают их. Внутренняя сущность КР – клан, а не физический индивид, как в национальном государстве. Клань и корпорации-государства, а также сформированные ими структуры, по мнению ученого, главные претенденты на замещение роли национального государства в мировой политике, в глобальном управлении.

Краткие итоги

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на такую пессимистическую картину, большинство российских исследователей далеки от мысли, что национальное государство окончательно «списано». Мировой кризис продемонстрировал очевидную потребность в

государстве: именно на него были переложены все издержки наиболее важных финансово-промышленных групп. И Россия в этом случае не стала исключением. В сложившихся условиях ответ на вопрос «Есть ли будущее у национального государства?», очевиден: будущее у национального государства есть. Более того, сохранение России как целостности, как цивилизации возможно только в политической рамке национального государства, концепт которого должен

учитывать адекватные российской специфике теоретические наработки.

Сегодня нет недостатка в проектах успешного будущего России. Однако реализовать их возможно только при наличии несокрушимой политической воли. Иными словами, именно государство, опираясь на разработки отечественных ученых, должно стать главным двигателем развития российской государственности.

Список литературы

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию. 12 декабря 2012. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118/work> (дата обращения: 29 апреля 2013).
2. Smith A.D. *Nationalism and Modernism*. L., N.Y., 1998. 270 p.
3. Tilly Ch. *States and Nationalism in Europe 1492-1992 // Theory and Society*. 1994. Vol. 23. № 1. P. 131–146.
4. Colomer J.M. *Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*. L., N.Y., 2007. XII, 114 p.
5. Кор Л. *Распад государств*. М.: КМК, 2007. 262 с.
6. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // *Политическая наука*. 2008. № 4. С.8–41.
7. Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 года*. Режим доступа: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html (дата обращения: 30 апреля 2013).
8. Линц Х, Степан А. *Государственность, национализм и демократия // Полис*. 1997. № 5. С. 25–26.
9. Kende P. *Quelle Alternative a l'Etat-Nation? // Esprit*. 1991. № 10. P.23–30.
10. Валлерстайн И. *Миротерриториальный анализ*. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
11. Jackson R.H., Rosberg C.G. *Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood // World Politics*. 1982. Vol. 35. № 1. P. 1–24.
12. Jackson R.H. *Quasi-States, Dual Regimes and Neoclassical Theory // International Organization*. 1987. Vol. 41. № 4. P. 519–549.
13. Bauman Z. *Globalization: Human Consequences*. Cambridge, 2000. 786 p.
14. Пономарева Е.Г. *Государство-призрак. Косово в мировой системе // Политический класс*. 2009. № 1. С. 30–47.
15. Пономарева Е.Г. *Босния и Герцеговина: государство-фантом // Свободная мысль*. 2009. № 1. С.69–84.
16. Strayer J.R. *On the Medieval Origins of the Modern State*. Princeton, New Jersey, 1970. 114 p.
17. Nettl J.P. *The State as a Conceptual Variable // World Politics*. Princeton, 1968. Vol. 20. № 4. P. 559–592.
18. Ильин М.В. *Альтернативные формы суверенной государственности*. Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politics/ksp/docs/34538/document34545.phtml> (дата обращения: 19 апреля 2013).
19. Tilly Ch. (ed.) *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, 1975. 711 p.
20. Пономарева Е.Г. *Внутренние и внешние факторы развития российской государственности // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века*. М.: Научный эксперт, 2013. С. 132–147.
21. Bobbitt Ph. *The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History*. L., 2002. XXXVI, 922 p.
22. Ohmae K. *The End of Nation-State: the Rise of Regional Economies*. L., 1995. 211 p.
23. Фурсов А.И. *Государство, оно же корпорация // Эксперт-Украина*. 2006. № 7. С. 52–57.

Об авторе

Пономарева Елена Георгиевна – д.полит.н., профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России. E-mail: nastya304@mail.ru

ACTUAL DISCOURSE ABOUT TYPES AND DEVELOPMENT TENDENCIES NATIONAL STATE

E.G. Ponomareva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The processes of globalization have determined significant changes in the prerogatives of nation states. In the twenty-first century the state no longer acts as a sole subject having a monopoly of integrating the interests of large social communities and representing them on the world stage. An ever increasing role in the global political process is played by transnational and supranational participants. However, despite the uncertainty and ambiguity of the ways of the development of the modern world, it can be argued that in the foreseeable future it is the states that will maintain the role of the main actors in world politics and bear the responsibility for global security and development. All this naturally makes urgent the issues related to the search for optimal models of nation state development. The article analyzes approaches to understanding patterns, problems and prospects of the development of this institution existing in modern political science. These include the concept of "dimensionality" based on the parameters of scale (the size of the territory) of the states and their functions in the international systems, as well as the "political order". In the latter case the paper analyzes four models: the nation-state, state-nation, consociation, quasi-state. The author's position consists in the substantiation of the close dependence of the success of a model of the state on its inner nature, i.e. statehood. On the basis of the elaborated approach the author understands statehood as "the result of historical, economic, political and foreign policy activity of a particular society in order to create a relatively rigid political framework that provides spatial, institutional and functional unity, that is, the condition of the society's own state, national political system." Thus statehood acts as a qualitative feature of the state.*

Key words: national state, statehood, nation-state, state-nation, consociation, quasi-state, market-state, region-state, corporation-state.

References

1. The message of the Russian Federation President V.V. Putin to the Federal Assembly. December 12, 2012 Available at: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118/work>. Accessed April 29, 2013. (in Russ.).
2. Smith A.D. Nationalism and modernism. London, New York, Routledge Publ., 1998. 270 p.
3. Tilly Ch. States and nationalism in Europe 1492-1992. Theory and Society, 1994, vol. 23, no. 1, pp. 131-146.
4. Colomer J.M. Great empires, small nations: The uncertain future of the sovereign state. London, New York, Routledge Publ., 2007. 128 p.
5. Kohr L. The breakdown of nations. London, Routledge and Kegan Paul Publ., 1957. 244 p. (Russ. ed.: Kor L. Raspad gosudarstv. Moscow, KMK Publ., 2007. 262 p.).
6. Il'in M.V. Is a universal typology of states possible? Politicheskaya nauka, 2008, no. 4, pp. 8-41 (in Russ.).
7. Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780. Available at: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html. Accessed April 30, 2013. (in Russ.).
8. Linz J., Stepan A. Statehood, nationalism and democracy. Polis, 1997, no. 5, pp. 25-26. (in Russ.).
9. Kende P. Quelle alternative a l'Etat-nation? [What is the alternative to the nation-state?]. Esprit, 1991, no.10, pp. 23-30.
10. Wallerstein I. World-system analysis. Durham, NC, Duke Univ. Press Publ., 2004, 109 p. (Russ. ed.: Wallerstein I. Mirosistemnyi analiz. Moscow, Territoria budushchego Publ., 2006. 248 p.).
11. Jackson R.H., Rosberg C.G. Why Africa's weak states persist: The empirical and the juridical in statehood. World Politics, 1982, vol. 35, no 1, pp. 1-24.
12. Jackson R.H. Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory. International Organization, 1987, vol. 41, no. 4, pp. 519-549.
13. Bauman Z. Globalization: Human consequences. Cambridge, Polity Press Publ., 2000. 786 p.
14. Ponomareva E.G. A phantom state. Kosovo in the world system. Politicheskii klass, 2009, no. 1, pp. 30-47. (in Russ.).
15. Ponomareva E.G. Bosnia and Herzegovina: A phantom state. Svobodnaia mysl', 2009, no. 1, pp. 69-84 (in Russ.).
16. Strayer J.R. On the medieval origins of the modern state. Princeton, NJ, Princeton Univ. Press Publ., 1970. 114 p.
17. Nettl J.P. The state as a conceptual variable. World Politics, 1968, vol. 20, no. 4, pp. 559-592.
18. Ilyin M.V. Alternative forms of sovereign statehood Available at: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politics/ksp/docs/34538/document34545.phtml>. Accessed April 19, 2013. (in Russ.).
19. Tilly Ch., ed. The formation of national states in Western Europe. Princeton, Princeton Univ. Press Publ., 1975. 711 p.
20. Ponomareva E.G. Internal and external factors of the development of Russian statehood. Rossiiskaia gosudarstvennost': istoricheskie traditsii i vyzovy XXI veka [Russian statehood: Historical traditions and challenges of the 21st century]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2013. pp. 132-147.
21. Bobbitt Ph. The shield of Achilles: War, peace and the course of history. New York, Alfred A. Knopf Publ., 2002. 922 p.
22. Ohmae K. The end of nation-state: The rise of regional economies. New York, Free Press Publ., 1995. 211 p.
23. Fursov A.I. Corporation-state. Expert-Ukraina, 2006, no. 7, pp. 52-57. (in Russ.).

About the author

Elena G. Ponomareva – the doctor of political sciences, the professor of chair of comparative political science of MGIMO University. E-mail: nastya304@mail.ru
